

Тереза Торанская
Эдуард Охаб

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И КОММУНИЗМ*

Что вы называете сталинской эпохой?

1948–1955 годы.

Мне думается, что делить время на такие периоды необоснованно и даже нелогично. Я не согласен с делением на два периода: сталинский и досталинский. Если делить историю Польши на этапы — предшествующий сталинскому, то есть до 1948 г., и сталинский, то это означало бы, что раньше, когда создавались основы коммунистической власти в Польше, влияние сталинских методов, сталинского аппарата или же самого Сталина было слабее.

А разве это не так было?

Это влияние было тогда даже более сильным.

Более сильным?

* Из книги Терезы Торанской „Они”. Этот сборник интервью с бывшими польскими коммунистическими деятелями был издан в Польше в неподцензурном издательстве „Przedswit”.

Несомненно. А кто же депортировал тысячи людей из Польши?

Разве тысячи? По моим сведениям эта участь постигла 16 человек — Окулицкого, Пайдака, Пужака и др.*

Это еще полбеды. Насколько я знаю, в Союз были вывезены тысячи.

И вы не могли протестовать?

Прежде всего, мы боролись с авантюристами из Лондона (польское правительство в эмиграции. — Ред.) Они призывали к борьбе против новой власти, против Красной Армии, которая в то время освобождала Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Югославию. Ведь шла война, смертельная схватка с фашизмом продолжалась. В этой борьбе погибли миллионы русских, украинцев, белорусов, грузин, татар, евреев и представителей других национальностей Советского Союза.

Но вы могли опротестовать депортации?

Как? Объявить войну? Война и так шла. У них (советских) были тут связи, коммуникация, миллионные армии. Шла борьба за будущее Европы, было неизвестно не попытается ли Запад развязать войну с Советским Союзом. Советскому Союзу было

* Генерал Леопольд Окулицкий, последний командующий Армии Крайовой, был арестован СМЕРШем 27 марта 1945 г., приговорен к 10 годам тюремного заключения и умер в тюрьме. Казимир Пужак — один из руководителей Польской социалистической партии, командующий Гвардией людовой. Был арестован вместе с генералом Окулицким и приговорен к полутора годам тюрьмы. Вернулся в Польшу в 1946 г., был арестован в 1948 г. и умер в тюрьме. Пайдак — член руководства Польской социалистической партии, арестован вместе с Окулицким и Пужаком, отсидел в СССР срок и вернулся в Польшу. (Прим. пер.)

необходимо обеспечить тыл.

Понимаю. Но что делали вы, Вы – польские коммунисты?

Я был членом ЦК с августа 1944 г. До первого съезда партии в ЦК было 17–18 человек. Пятеро из них еще живы. Решения принимались в узком кругу 5–6 человек. Решить что-либо было трудно. Многие решения принимались вообще без нашего участия. Я, как и все, работал в то время в Комитете Национального Освобождения над решением срочных политических, военных, экономических и общественных проблем, связанных с обстановкой в Польше и в мире. Главной нашей задачей было укрепить Польскую армию, чтобы интенсифицировать наше участие в борьбе с Германией, чтобы завоевать моральное право вернуться на территории на Одере и в Западной Померании. Мы никогда не добились бы этого без помощи Советского Союза. Это во-первых. Во-вторых, мы обязаны были обеспечить армию и население продовольствием и при этом воспрепятствовать беззакониям и насильственному принуждению крестьян к поставке продуктов. В-третьих, необходимо было, начав с нуля, организовать государственный аппарат и администрацию, выдвигая на руководящие посты рабочих, крестьян и офицеров из политсостава Первой армии. В-четвертых, мы приступили к передаче крестьян землей и передаче в руки рабочих управления заводами и другими промышленными предприятиями. В-пятых, мы старались расширить политическую базу Комитета Национального Освобождения и привлечь к сотрудничеству наших вчерашних противников – демократов, членов Крестьянской партии, социалистов и беспартийных. Несмотря на печальный опыт Вольни, Вильнюса и Восточной Галиции, где мы не имели возможности влиять на деятельность советских органов госбезопасности, мы упорно стремились привлечь к работе более дальнюю часть командного состава Армии Крайовой. Мы хотели, чтобы они трудились на благо народной Польши, которая была бы в самых дружественных отношениях с Советским Союзом, которая возвратила исторически принадлежавшие ей земли, перед которой открывались новые перспективы широкого экономического развития. Правительство в Лондоне (польское прави-

тельство в эмиграции. – Прим. пер.) хотело поставить Армию Крайову в безвыходное положение. Трагически складывались судьбы тысяч солдат этой армии, мужественно сражавшихся с немецкими оккупантами, которые на пороге полной победы Польши и антигитлеровской коалиции позволили столкнуть себя на антисоциалистические и антисоветские позиции! Множество документов свидетельствует о нашем отношении к Армии Крайовой. Я приведу только один пример – воззвание Главного политического управления Польской армии. Мы обратились к солдатам и офицерам Армии Крайовой. Мы гарантировали им сохранение воинских званий и боевых наград. Мы обещали это в момент, когда уже шли бои за Прагу (левобережная часть Варшавы. – Прим. пер.) и за варшавский плацдарм, после речи Сталина, который 16 августа назвал варшавское восстание авантюрой. Нам стоило огромных усилий получить разрешение советского командования и командующего Первым Белорусским фронтом маршала Рокоссовского на начало наступления нашей Первой армии и советских войск в районе Варшавы. Во время этого наступления погибли тысячи польских и советских солдат, но это не спасло варшавского восстания, – как гибель сотен тысяч советских и чехословацких солдат не спасла словацкого восстания. Но все-таки оба восстания – и словацкое, и варшавское – отвлекли значительные силы немцев, и это облегчило Советской Армии разгром крупной группировки немецкой армии „Южная Украина” и ускорило освобождение Румынии в августе 1944 г. и Болгарии в сентябре 1944 г.

Советские войска вступили также на территорию Венгрии и начали готовить плацдарм для наступления на Вену. Я думаю, нет надобности объяснять, какое это имело значение для исхода войны и для освобождения Польской земли.

В те напряженные месяцы Польский Комитет Национального Освобождения (ПКВН – сокращенно по-польски) сделал очень много и его заслуги трудно переоценить. У нас были, конечно, ошибки на этом трудном пути. Мы не всегда могли противостоять неверным решениям наших союзников. Авантюристы из Лондона делали все, чтобы склонить своих сторонников к анти-советским действиям, но и советские органы государственной безопасности совершенно напрасно навязали нам „советников”

из СССР, которые действовали в Польше во всех органах государственной безопасности, даже на уровне района. Люди из Польского Комитета Национального Освобождения несут ответственность далеко не за все, и уж ни в коем случае не они производили массовые аресты и депортацию поляков в СССР. За это ответственны исключительно советские органы государственной безопасности.

За что еще вы не несете ответственность?

За разрушение сотен предприятий. Это дело рук так называемых трофейных команд. Это они превращали в металлолом машины и оборудование заводов и увозили все в СССР. Еще было бы полбеда, если бы это принесло хоть какую-то пользу, но ничего подобного не произошло. Я уверен, что 90% действий этих трофейных команд никакой пользы никому не принесли. Потери были огромны, а наша власть не смогла оказать сопротивления.

Но хотя бы пытались?

А что мы могли сделать? И демонтаж и обязательства относительно поставок угля были принудительными.

Какие обязательства?

На заседаниях ЦК этот вопрос не обсуждался, но некоторые члены политбюро рассказывали мне, что Советский Союз захватил огромные немецкие богатства, и в то же время СССР требовал компенсации за затраты, понесенные при освобождении Польши. Советский Союз отдает нам шахты, не демонтируя их оборудования, и мы должны компенсировать это. Но несмотря на все, я убежден, что 1944–1945 гг. — это важнейших период нашей истории, это исторический перелом, и я уверен, что со временем историки оценят его как период, когда был заложен фундамент для создания в Польше бесклассового общества. Печальные события того времени, мучительные для многих, даже если память о них продолжает оставаться травмой для поляков,

не будут определять наше будущее. Неужели вы думаете, что сегодня мы более независимы, чем в те годы? По существу, сейчас мы государство-гарнизон. Нас принуждают ко многому, но, с другой стороны, — чем была бы сегодня Польша, если она не имела бы союза с СССР? Чьи ракеты нацелены на нас? Кто будет отстаивать наши западные рубежи, если начнется военный конфликт? Конечно, советские войска в Польше абсолютно никому не нужны. Ни Советский Союз, ни социалистический лагерь не понесли бы урона, если бы советских войск на территории Польши не было. Независимо от намерений или военно-стратегических соображений, пользы от них нет никакой, и в то же время присутствие советских войск в Польше болезненно задевает гордость поляков. Достаточно было бы разместить советские воинские части в ГДР. Но я не могу отослать их домой.

А вы пытались?

Мы должны идти с СССР, каким бы он ни был. Другой возможности для Польши нет. Советское правительство совершает не только ошибки. По основным вопросам мы придерживаемся общего мнения, потому что разделяем ту же идеологию. У нас общая цель, которой мы добьемся, несмотря на то, что путь к ее достижению далек.

Но почему такой ценой?

Какой?

Ведь в послевоенной Польше загублено столько жизней, принесено столько жертв!

Откуда вы все это взяли? Польша — государство рабочих и крестьян, несмотря на некоторые деформации и отклонения, совершенные молодой народной властью. В народной Польше происходила ожесточенная классовая борьба, развязанная антикоммунистическим подпольем. В этой борьбе погибло 30 тыс. человек, из них 15 тыс. — члены Польской рабочей партии. Мы знаем имена убитых и места, где они похоронены.

Эта классовая борьба стимулировала ненависть органов государственной безопасности к тем, кто стрелял по защитникам народной власти, кто убивал их. Сколько милиционеров было убито? Сколько солдат? Сколько работников партаппарата? Мы не очень уж сурово обошлись с пролондонской реакцией, потому что знали, что кроме тех, кто передает указания из Лондона, среди них были люди, которые руководствовались не реакционными мотивами. Росли недовольство, враждебность, произвол, Берия, депортация поляков в СССР, и вообще активизировался самый сложный комплекс польско-русских отношений. Но для нас главной была классовая борьба и вопрос власти, от которой было невозможно отказаться.

Почему?

А кому отдать власть? Реакции? Польским фашистам? Или, может быть, мы должны были сидеть сложа руки и смотреть, что вытворяет вооруженное реакционное подполье? Или проповедью и святой водой бороться с организаторами массовых расстрелов, головорезов из Березы? Или, быть может, мы должны были посоветовать советским товарищам, чтобы они поверили демократической риторике представителей старого режима? Мы же этих реакционеров прекрасно знали, мы помнили „20 лет польской свободы” с 1918 по 1938 г. Мы знали, что тогда происходило, знали о тюрьмах, о Березе, помнили поражение 1938 г.

*Вместо Березы, где сидели вы, потом сажали в Мокотовскую тюрьму, ** в которой люди гибли.*

Ну вот, опять свидетельство того, как мало вы разбираетесь в происходившем тогда, и как поспешно и безответственно вы осуждаете прошлое. Попытки, которым по приказу Пилсудского подвергались узники Березы, стали символом террора в капиталистической Польше. Режим издевался над тысячами поляков более жестоко, чем мучили в лагерях Муссолини и Салазара,

* Береза — концлагерь в довоенной Польше, в который были брошены лидеры оппозиции. — Прим. переводчика.

** Мокотовская тюрьма находится в Варшаве.

и только Гиммлер превзошел в жестокостях Костека Бернацкого.* Вам следовало бы знать, что в Березе погибли такие люди как... вспомним: — Недельский, Германский, Мозырка... Особенно издевались над заключенными некаатолического вероисповедания — над товарищами Данишевским, Правыным, Борковичем, Захариясом, Кольским, Пастернаком, Гаврилюком... Я не знаю, что вы имеете в виду под убийствами в Мокотовской тюрьме. Вы, наверное, имеете в виду исполнение смертных приговоров, но это имело место не только в Мокотовской тюрьме. Военные трибуналы в Польше в годы вооруженной борьбы с реакцией вынесли много смертных приговоров, главным образом в период 1945—1948 гг. Несколько сот приговоров было приведено в исполнение. Но коммунистов, погибших от пуль реакции, во много раз больше. Это был трудный период в жизни нашего народа, но в то же время его можно назвать великим переломом в истории нашей страны. Огромные успехи народного хозяйства, наших вооруженных сил, что было исключительно важно для всего соцлагеря, для всех соцстран. В то время у Америки была монополия на атомное оружие. Я с восторгом смотрел на СССР, где приняли решение ограничить уровень жизни, чтобы высвободить средства и лишить США монополии на ядерное оружие.

Давайте вернемся к углю, к нашему углю.

В 1947 г. от нас требовали, чтобы мы дополнительно добывали и поставляли в СССР миллионы тонн угля по так называемому трехлетнему плану. А мы сами нуждались в угле. Шахтеры работали в будни и в праздники. В то время я был первым секретарем Польской рабочей партии в г. Катовице. Вдруг туда заявила комиссия с заместителем председателя Совета министров во главе...

* Полковник Костек Бернацкий — комендант лагеря в Березе.

Это был Гомулка, он же генеральный секретарь ПРП.

... с предложением, а по существу, с требованием — продлить рабочий день на шахтах. Решение было принято на заседании Политбюро (я не входил в его состав) и ни с кем в Силезии не согласовано. Они приехали с готовым решением не включать в рабочий день шахтера время спуска и подъема, что на деле увеличивало рабочий день на час. Вместо 7,5 часов шахтеры должны были бы работать восемь с половиной часов.

Это означало увеличение рабочей недели на полмены.

И даже больше. Назревал скандал. Я выступил против, так как был уверен, что принятое решение не только не повысит добычу угля, а наоборот. Люди станут бросать работу или же объявят забастовку. Потери могли быть огромные. Я знал, что за сопротивление этому решению меня снимут с поста, что и случилось. Меня как бы отправили в ссылку, в объединение кооперативов, но продление рабочего дня шахтеров было отложено на несколько месяцев. Тоже не плохо.

Политбюро не склонилось к вашему мнению, не поняло ваших доводов?

Они понимали, но, вероятно, считали, что не могут сопротивляться требованиям советского руководства, а я считал, что можно и нужно это сделать.

Послушайте, в 1948 г. состоялось пленарное заседание ЦК. Это было очень важное заседание, на котором была начата борьба с правонационалистическими отклонениями Гомулки. Вы помните об этом?

Помню, но лучше обратиться к документам.

Протоколы заседания не были опубликованы.

Доклад Берута и выступление Завадского были. Я считаю,

что их оценка внутреннего положения, проблем в области идеологии, как надо действовать в будущем относительно объединения рабочих партий, как и оценка Минца, была верной.

Но что говорил тогда Гомулка?

Гомулка нападал на ленинские традиции КПП (Коммунистическая партия Польши. — Прим. переводчика). Он говорил, что нам следует учиться патриотизму у социалистов (ПИС). Он признал, что члены КПП были преданы делу революции, но они, по его мнению, не понимали национальной проблемы, а главная цель — это независимость и все должно быть подчинено этой цели. По существу, он поддерживал программу революционной фракции Польской социалистической партии, которую в прошлом осудили, и в какой-то степени разделял концепцию Питсудского.

Он это высказал открыто?

Ну что вы. Я же сказал, что „по существу”. Его положения были ложными, антиленинскими и антимарксистскими и могли повредить партии. Поэтому отпор, которые дали Гомулке Берут, Завадский, Минц и др., был правильным. Почему вы так удивленно смотрите на меня? Да! Тезисы партии должны исходить не только из обстановки в Кракове или в Варшаве, но следует учитывать положение во всем международном революционном движении. Если считать, что национальный вопрос для поляков главный, и что все должно быть этому вопросу подчинено, то надо признать, что и для немцев национальный вопрос важнее всего, и тогда перед нами вопрос: только поляки имеют право выселять немцев, а те не смеют выселять поляков? Можно ли, разделяя такое мнение, присоединить к Польше западные земли (в прошлом польские), хотя большинство населения этих земель, и при этом преобладающее большинство, составляли немцы? Нет! Только если учесть, что главную, решающую роль играет международная обстановка и пролетарская революция, только тогда можно оправдать решения, выходящие за рамки национального самоопределения. Я имею в

виду не только немцев.

А зачем нужно оправдывать это?

Нужно. Если мы решим, что независимость — главное, то мы должны будем признать права басков на независимое государство и поддержать их движение.

А почему бы и нет?

Националисты решают все проблемы с точки зрения национального эгоизма, а коммунисты считают, что все рабочие, во всем мире, братья независимо от национальности; оправдание своих действий ищут в основных принципах международного коммунистического и национально-освободительного движения. Мы, коммунисты, признаем право на самоопределение, вплоть до отделения, на независимость, но это не значит, что в любой обстановке мы за отделение или перемещение населения.

Значит, вы только тогда за перемещение, когда это выгодно коммунистам и коммунизму?

Коммунизм — это идеология и политика международного рабочего класса, который сам не будет свободным, если не освободит от эксплуатации всех трудящихся. В этом смысле все, что служит делу коммунизма, ленинского коммунизма, служит всему прогрессивному человечеству, указывает путь к бесклассовому обществу. Мы признаем за революцией право защищать позиции, первоочередность принципов революции и не всякое перемещение населения поддерживаем. Перемещение, по сути, контрреволюционно. Таким было и переселение поляков немцами.

А русскими?

Не думаю, что в 1939–1941 гг. во время депортации поляков НКВД руководствовался ленинскими принципами или интересами коммунизма. Я был против этого, хотя за этот протест

грозил расстрел.

Вы говорите о высылке в Сибирь?

Да.

А я о депортации, переселении 1945–1946 гг.

Это не было переселением. Это была репатриация и обмен людьми.

Репатриация? Какая репатриация? Моя бабушка, прабабушка, прапрабабушка жили в Волковыске. Куда было возвращаться моим родителям?

Они могли остаться.

Где?

В Волковыске.

Они не хотели, чтобы я стала русской.

Ну вот, это и есть главная разница. Все зависело от вашего желания, но никто вас не принуждал. В таком же положении находилось около 2 млн. человек. Они могли не уезжать, могли остаться. Если уж быть точным, Волковыск — это не Россия, а Белоруссия.

Послушайте, я не отрицаю международных соглашений и не намерена бороться за наши права на эти земли. Мне теперь уже совершенно все равно, в каких границах существует Польша, лишь бы она продолжала существовать. Но я настаиваю на том, что вещи должны быть названы своими именами. Быть может, мои родители могли бы принять более активное участие в пролетарской революции и строить коммунизм лучше, если бы остались в Волковыске, но они не остались, потому что не могли. А не могли потому, что хотели жить в Польше, где бы она ни

была, все равно, в какой, но в Польше, и их заставили уехать. Их заставили не силой, это отличалось от выселения немцев; применяли психологическое давление, но все-таки это было давление.

Это не совсем так. Ведь они жили на белорусской земле. Только польские националисты считали, что если кто-то захватил нашу землю, то это плохо, а если мы, поляки, захватили чужую и терроризировали Белоруссию и Украину, то это хорошо.

Я не был националистом и никогда не буду. Я счастлив, что с этим покончил. Я за свободу своего народа, но также за свободу и независимость украинцев и белорусов.

И я тоже. Но я за правду. За то, чтобы все называть своими именами.

Я за права польского народа и готов за это бороться, но, как коммунист, я признаю и права остальных народов. Что касается несчастной Белоруссии или Западной Украины, то в довоенное время я не считал, что они должны отколоться от Польши. Будучи коммунистом, я был за полнейшую автономию и за демократические права для украинцев, белорусов и литовцев. Пусть сами решают, чего хотят. Пусть большинство решает, как устроить свою жизнь. Но польское правительство, польские фашисты могли предложить этим народам лишь дубинки, тюрьмы, лагерь в Березе. Это черное пятно в нашей истории.

Понимаю. Вернемся к Гомулке. Считаете ли вы, что тогда он был прав?

В чем?

В своих взглядах на программу Польской социалистической партии и в вопросе независимости Польши?

Нет. По-моему, он был неправ. Я всегда руководствовался ленинскими принципами, и мне трудно спорить, если мой собеседник почти ничего не знает о Ленине и его учении. Будучи сту-

денткой, вы, наверное, должны были сдавать экзамены по этим предметам. Там вас кормили жидкой кашницей, — ни уму, ни сердцу. А для меня Ленин — гений. В трудные годы (а других почти не бывало) я обращаюсь за помощью к его учению. Мне омерзительны люди, которые, сидя под портретами Ленина, замалчивают его учение или занимаются ревизией основных принципов ленинизма, но зато декларируют патриотизм.

Кто-нибудь поддержал тогда Гомулку?

В какой-то степени Беньковский. Горячая голова, полная противоречий, по сути дела, он всегда был далек от марксизма, а теперь стал его явным противником. Жаль. Когда-то он мужественно сражался в рядах подпольной ПРП. Частично поддержал Гомулку и Клишко. Ну а потом Гомулка остался в одиночестве.

Ну а вы? Что вы сказали?

Я защищал позицию коммунистической партии, основанную на учении Ленина, что мы боремся за демократические права, за право наций на самоопределение, но исходим из учения Маркса и Ленина; для нас никакие демократические права не могут быть важнее права пролетариата на прелетарскую власть. Гомулка всячески восхвалял Польскую социалистическую партию и подвиги польских легионов и не задумывался над тем, чем все эти подвиги кончились, а ведь факты известны. Патриотический порыв молодежи, вступившей в легионы, кончился печально — большинство из них интернировали. Известно также, каким был отклик на воззвания Пилсудского к массам. Вот цифры. После захвата Польского королевства австрийцами и немцами, в легионы вступило три тысячи добровольцев, а чуть позже в армию революции, в защиту Октября пошло около 100 тыс. польских рабочих и крестьян, проживавших в России и на Украине. Что же было истинным выражением надежд и чаяний польского народа? Почему поляки не шли в легионы? Значит, не в них видели пользу для Польши, значит, не доверяли кайзерам, что они возродят независимую Польшу. Опportunистический отход от ленинских позиций и переход на

националистические продолжает и сегодня оставаться в нашей стране серьезной проблемой, поскольку успехом пользуется крикливая, псевдопатриотическая, антикоммунистическая, антисоветская и религиозная пропаганда.

Гомулка осудил коллективизацию сельского хозяйства?

Не совсем осудил. Он упрекал Спыхальского в том, что на заседании Коминформа, где обсуждался вопрос о коллективизации, тот согласился, что в Польше будет проведена коллективизация. И в этом Гомулка был не прав. Дальновидность он проявил только по вопросу об Югославии.

Почему же дебаты на пленуме, которые проходили в узком кругу, поскольку в то время ЦК был немногочисленным, не были опубликованы? Почему в них не участвовали партийные массы?

Как мало вы знаете. В партии по этому поводу проводилась широкая дискуссия.

Если под участием в дебатах понимать поголовное осуждение Гомулки, то вы правы.

В то время нашей главной задачей (я говорил об этом с Берутом и Бергманом) было объединение ПСП с ПРП на основах марксизма, завершение трехлетнего плана и подготовка шестилетнего.

И для этого вам необходимо было уничтожить социалистов?

Я не думаю, что это можно назвать ликвидацией социалистов.

Но ведь были проведены чистки.

В Польской рабочей партии тоже.

И „очищенные” партии объединились?

Я считаю, что это был акт исторического значения.

Вас не смущало, что „объединение” произошло в столь короткий срок?

Не забываете, что в то время шла гражданская война в Греции, продолжалась и обострилась холодная война с Западом. Все более ожесточенными становились бои в Китае. Поддерживаемый Соединенными Штатами Гоминдан бросил против „красных” миллионные армии, чтобы любой ценой воспрепятствовать установлению коммунистического правительства в Китае. Необходимо было выравнять фронт. Империалисты напали бы на нас, если бы создалась подходящая для этого международная обстановка.

На нас?

Если смотреть на это только с точки зрения Польши, то все будет выглядеть несколько иначе. Но, учитывая международное положение в целом и политику СССР как страны, которая борется с замыслами миллиардеров и монополий, страны с серьезными деформациями, но в то же время олицетворяющей тот новый путь, по которому пойдет весь мир, т. е. путь, с которым связаны надежды всех трудящихся, то ведь и Польша тоже будет идти по такому же пути, несмотря на то, что у нас еще имеются силы реакции, враждебные интернационализму и революции...

Что это за силы?

Силы, которые хотят свергнуть народную власть и вернуть ее капиталистам.

Где они? Я что-то их не вижу.

А вы думаете, что они придут к вам и скажут прямо:

мы за капитализм?!

Теперь я поняла, почему я иногда теряю нить разговора и не в состоянии вас понять. Мне бы хотелось, чтобы польские коммунисты меньше внимания уделяли „всемирной революции“ и больше собственному народу и государству.

Тогда мы не были бы коммунистами. Трудящиеся должны быть едины во всем мире. Мы заботимся о нашей стране, но протягиваем руку всем рабочим, независимо от их национальности и подданства. Революция должна победить во всем мире.

Я не понимаю, почему „должна“.

Я в этом не сомневаюсь. Вы еще очень молоды, но я уверен, что вы все продумаете и поймете.

Положение со мной хуже, чем вы предполагаете. Я что-то не вижу нигде никакой классовой борьбы. Но я буду стараться. Вернемся, однако, к 1950-му году. Ситуация тогда, как вы ска-зали, была сложной.

„Холодная война“ продолжалась. Конфликты в Индокитае и Корее накалялись. Представители стран народной демократии — Ракоши, Сланский, Рокоссовский и я поехали в Москву, чтобы обсудить проблему укрепления обороны социалистических стран. Сталин и особенно его военные советники маршалы Василевский и Соколовский считали, что в тогдашней сложной международной обстановке вклад „народнодемократических“ стран и особенно Польши в дело обороны должен увеличиться. Ради общей безопасности.

Значит, они хотели получить от нас как можно больше?

Никто этого так грубо не называл. Было сказано, что мы на это способны, что мы достаточно сильны. Мы с тяжелым сердцем приняли эти „предложения“ и их последствия.

Их нельзя было даже обсуждать?

Я пытался сделать это, придерживаясь инструкций Полит-

бюро. Я пытался объяснить, что мы можем сделать, а что вряд ли будет нам по силам. Я намекнул также, что некоторые подробности может разъяснить маршал Рокоссовский, так как он хорошо знал наше внутривнутриполитическое и экономическое положение. Сталин не занимался мелочами. Он говорил о международном положении и было ясно, что он в состоянии его оценить лучше, чем мы.

А не могли вы тогда договориться с Чехословакией или с Венгрией и выступить совместно против советских требований?

Почему против?

Чтобы отдать Советскому Союзу поменьше.

Ну да, доченька, ну да...

Вы смеетесь...

Ох, доченька, договориться об этом значило бы самим подготовить свой судебный процесс. Ведь у советских представителей не было бы никаких угрызений совести.

Никаких?

Никаких. Если бы мы заключили договор с кем-либо за их спиной? Мы могли только ссылаться на трудное экономическое положение и на то, что снижение и так уже низкого уровня жизни может вызвать недовольство и забастовки.

А Сланский и Райк тоже не противоречили?

Нет.

Но их все равно судили.

Да, правда... На заседаниях в штабе были приняты общие предложения, а потом они были переданы на рассмотрение правительств социалистических стран. Наше правительство заметно увеличило средства на укрепление обороны. Это привело

к диспропорциям и искажениям в шестилетнем плане, и ограничило возможности повышения жизненного уровня населения, с вытекающими из этого последствиями. То же самое произошло и в других государствах. Нарастали трудности и недовольство масс. Стали искать „козлов отпущения”. Достаточно вспомнить позорные процессы Сланского и Райка. Сланского обвинили в том, что он организовал в Праге „сионистский провокационный центр”. Райка и Костова обвинили в том, что они являются агентами империализма. Все это происходило на фоне международной провокации против Югославии.

Добавим, той самой Югославии, которая осмелилась идти собственным путем к социализму.

Сам я на процессах не был, но читал материалы о них. Это позор. Вынуждать сломленных людей, освещенных прожекторами, чтобы они признали свое участие в заговоре Тито. Почти каждый из них упомянул, что состоял в заговоре с Гомулкой.

Так что Гомулка тоже стал агентом империализма. Неужели вы верили этому?

Ни в коем случае. Я вообще сомневался в существовании заговора и поэтому старался, по мере возможности, влиять на тех, кто принимал решения, в ситуации, когда нам присылали приговоры по ряду судебных дел. Особенно на Завадского и Берута. Я был с ними в хороших отношениях. Я давал понять, что мы должны тщательно проверить обвинения против Гомулки, поступающие из союзных стран, и не спешить.

Но опровергнуть обвинения вы не решились?

Я не мог заявить: „Нет, Гомулка не виноват”. Меня бы спросили, какие у меня есть доказательства его невиновности.

Какие?

Мне было ясно, что это провокация, что нас толкают на преступление. Когда мне было сказано Берутом, что мы будем

защищать Гомулку от возможной провокации... Вроде бы и советская разведка и наша получили сведения, что Гомулку хотят вывезти из страны, организовать ему побег или похитить его и надо его защитить. „Что вы имеете в виду, — спросил я Берута, — изоляцию?” — „Да, — сказал он, — это можно так назвать”. Я спросил еще: „А со Сталиным вы говорили об этом?” „Да”, — ответил он.

И Берут и я понимали, что дело решено и что мы ничего не сможем сделать для Гомулки. С одной стороны, — международный заговор против Советского Союза и показания обвиненных, а с другой стороны, — согласие или, вернее, приказ Сталина посадить Гомулку! Еще я сказал Беруту, что надеюсь, что с ним не произойдет ничего такого, что противоречило бы принципам... Хотя сомнения на этот счет у меня были. Мне кое-что было известно о методах, применяемых при следствии. Мазур мне рассказывал, и не только он. Заключенным не давали спать неделями. После этого люди уже были неспособны думать и не знали, что говорят. Тогда их записывали на пленку и эти пленки служили доказательством: „Так это ведь ты говорил...” Кое-что мне было известно, но, я думаю, действительность была еще более страшной. К счастью, по отношению к Гомулке эти методы не применялись. Но факт остается фактом, его жестоко обидели, подозревая без каких-либо оснований. Гомулку изолировали — и это позорное пятно в истории нашей партии, хотя обвинение было подготовлено не в Польше.

Но ведь суда так и не было. Кто спас Гомулку?

Больше всех помог ему Яков Берман.

Не потому ли, что он был следующим на очереди?

Не в этом дело. Сведения собирали о каждом из нас. Обо мне тоже. Когда позже мне хотели показать мое дело, я отказался. Я даже видеть этого не хотел. В ЦК были заведены „дела” и на Берута и на Бермана. Но важно то, что и Берут, и Берман были убеждены, что „дело Гомулки” — это провокация Берия. Они не могли сказать этого Сталину прямо, но оттягивали реше-

ние, тянули время. Я сам был свидетелем давления, которое оказывали на Берута и Бермана с требованием процесса над Гомулкой. Я как-то вошел в кабинет во время их беседы с советскими товарищами на эту тему. Но и на эти печальные и несправедливые действия следует смотреть шире. Надо видеть также, к чему привела позиция Советского Союза, Коминформа и всех других компартий, за исключением югославской. Во-первых, у нее не было возможности выступить против, также как они не могли выступить против в 1939, 1944 и 1948 гг. даже в том случае, если Советский Союз был неправ, потому что в сложившейся исторической обстановке мы обязаны были идти с СССР, каким бы он ни был. Фундаментальные интересы нашего государства, нашего рабочего класса и, в сущности, всего народа требуют самого тесного сотрудничества с СССР, а Гомулка, я думаю, часто этого недооценивал. Склонность к авторитарному стилю руководства мешала ему в оценке национальных проблем в исторической перспективе. Я ни в коем случае не хотел бы отрицать ни его выдающихся способностей, ни его заслуг, особенно в период, когда он руководил подпольной ПРИ. Лондонская реакционная группа вела против него ожесточенную борьбу. Даже сейчас, высказывая свою точку зрения на личность Гомулки, на его националистические взгляды, стремление править единолично, нельзя отрицать его заслуг. Однако история показывает, что никто не нанес стране больше вреда, чем Гомулка.

Ну, нашлось бы достаточно других...

За страну, доченька, надо нести ответственность. Если девушка, вроде вас, провозгласит несколько звучных лозунгов и будет размахивать руками, этого мало. За страну надо нести ответственность, и не только за сегодняшний день, но и в исторической перспективе.

А вы пытались протестовать против деятельности „советских советников” в Польше?

Иногда пытался. Правда, не в форме протеста, а в форме

политической позиции. Дело не в пустых протестах и жестах. Советники играли решающую роль во многих ведомствах, особенно в Министерстве внутренних дел. Многие из них вообще не знали польского языка и истории Польши. Я лично органами госбезопасности не интересовался, хотя слухи о том, как они действуют и что делают для укрепления своей позиции, доходили и до меня.

В 1953 г. комиссия, в которую кроме меня входили еще три члена ЦК, в том числе два члена Политбюро, получила задание проверить обвинения, выдвинутые против группы офицеров. Их обвинили в заговоре.

Среди них был генерал Комар?

Да, хотя не он был главной фигурой.

А кто? Жимирский?

Да. Дело касалось Жимирского. Не вдаваясь в детали, скажу, что при изучении документов „следствия” мне стало ясно, что люди, готовящие „показания обвиняемых” и дающие оценку этим показаниям, применяли при допросах недопустимые и позорные методы.

Кто предложил создать эту комиссию?

Документы об этом находятся в ЦК.

Вы уверены?

Нет, но что-то, наверное, есть.

Но они недоступны.

Когда-нибудь они станут достоянием историков.

Люди хотят знать сейчас.

Но не обязательно, чтобы они узнали все от меня. Я не могу знать всего.

Я и не требую всей информации, но хоть какой-то...

На предложении стояли подписи Берута и Рокоссовского. Рокоссовского потому, что дело касалось армии, а Берута – потому что его подпись была самой важной. Часть офицеров Второго отделения (военной разведки. – Прим. пер.) была обвинена в том, что они подготавливали „антикоммунистический заговор”. Разбирательство этого дела вела контрразведка, руководил им полковник Вознесенский, с которым тесно сотрудничала военная прокуратура, возглавляемая полковником Скульбашевским. По-моему, это были люди Берия.

Значит, они были сотрудниками НКВД? Кому подчинялся Вознесенский в Польше?

Рокоссовскому. Вообще отдел военной информации (контрразведки) (Informacja Wojskowa) подчинялся министру обороны.

Но почему Рокоссовский дал согласие на создание комиссии?

По всей вероятности, он был вынужден это сделать. Сталина уже не было в живых, а Берия, если и был еще жив, то уже не у дел.

Сын генерала Комара подозревает другое. Сначала об аресте – одна занимательная подробность. 7 ноября 1952 г. генерал Комар с группой офицеров Второго отделения присутствовал на приеме в посольстве СССР – праздновали годовщину революции. Прием был великолепным, особенно если учесть, что будущие узники пировали вместе с теми, кто уже отдал приказ об их аресте. Арест произошел 11 ноября. Допросы и пытки продолжались около года. Генерал Комар признался во всех обвине-

ниях, даже в том, что он американский шпион, и заявил, что во главе заговора стоят Берут и Берман. Члены Политбюро обиделись на Комара. Это сыграло роль в дальнейшем, после его освобождения. Однако было принято решение о создании Комиссии – не для защиты генерала Комара и других, а чтобы развеять подозрения вокруг Берута и Бермана. Это было летом 1953 г.

Это не так. Дело не в Беруте и в Бермане. Комар назвал фамилии не их, а двух других членов Политбюро. А вообще Вацек (Комар. – Прим. пер.) был шальной. Он как-то сказал, что советские войска не нужны в Польше.

А разве нужны?

Нет, Я тоже так считаю, но таких вещей не говорят. Это святотатство. Правда, большинство обвиненных не было католиками.

Но маршал Жимирский католик.

Да, его тяжело обидели. Морально. Жимирского не пытали при допросах. В отношении генерала Комара и полковника Флапо применялись пытки, позорные методы допросов. Когда я ознакомился с подробностями, я понял, что мы не в состоянии узнать правду, пока следствие будут вести такие люди как Вознесенский и Скульбашевский. Мы никогда не распутаем дела против Комара, Флапо и Ледера, если нам люди Берия будут ставить палки в колеса. Поэтому я предложил отослать их в СССР. Произошла крупная ссора с Берутом и Рокоссовским. Ведь не только этих двух офицеров надо было отослать назад в СССР, но и отстранить многих других следователей органов госбезопасности, которые принимали участие в подготовке этого дела. Некоторые из них плакали, просили...

Кто? Фейгин, Ружанский?

Нет, нет. Не они вели эти дела. Этими делами занимались поляки с безупречным прошлым и в довоенное время и во время оккупации, но они были деморализованы, полны ненависти, потому что большинство потеряли близких в борьбе с польским фашизмом и реакционным подпольем. Это были поляки, и их удар был направлен, главным образом, против офицеров „плохо рожденных“, над которыми ксендз не махал кропилом. Так что обстановка была совсем не такая, как ее стараются представить провокаторы из объединения „Грюнвальд“.* Я считал, что некоторых деморализованных офицеров-следователей необходимо отдать под суд. Наша комиссия составила отчет, в котором мы писали что нет никаких доказательств какого-либо заговора в польской армии и что арестованных офицеров следует освободить и реабилитировать. Наши предложения были приняты.

Кем?

Политбюро. Дебаты были весьма бурными, но меня поддерживали Берман, Завадский и Минц. По делу генерала Комара был заключен компромисс — его освободили, но исключили из партии и разжаловали. Тогда же были отозваны из Польши Вознесенский и Скульбашевский, а в Комиссию партийного контроля и в суд были направлены дела некоторых офицеров органов государственной безопасности. Я обратил также внимание, что офицеры, которые являются членами других компартий, не должны работать в польской разведке, что это недопустимо и наносит ущерб тем партиям. Я уважаю сотрудников разведки, но соединять партийную работу с работой в разведке недопустимо.

А кто ввел такую практику?

Все было очень просто. Считалось, что СССР — родина всех трудящихся. Возможно, это и так, но только методы не те...

* Грюнвальд — объединение, созданное в 1981 г., действующее под эгидой Мечислава Мочара и Стефана Ольшовского, которое во всех недостатках и перегибах системы обвиняет евреев. (Прим. пер.)

И обратите внимание, прошло столько лет, но до сих пор нигде не упоминались фамилии Вознесенского и Скульбашевского. Это не случайно. Да и сейчас вам ничего не удастся опубликовать — это не пройдет.

Увидим.

Сомневаюсь.

Вы беседовали тогда с обвиненными?

Конечно. Я разговаривал с ними в тюрьме. Именно тогда я увидел, какие меры применялись, чтобы сбить нас с толку. Даже говорить об этом не хочется.

Пожалуйста...

Приведу один только пример. Один из обвиненных назвал фамилию другого офицера и утверждал, что тот может подтвердить его невиновность. Несколько дней спустя предполагаемого свидетеля арестовывают, и тот сознается во всем. Было очевидно, что кто-то всем этим вертит. Да и вообще одни показания совершенно не сходились с другими. Все это можно было распутать, но сперва надо покончить с „агентами“, да и они были только маленькой частью огромной группы, которая действовала (и продолжает действовать и сейчас) в Польше на протяжении многих лет. У меня свое мнение о различных делах и людях.

Зачем Берия нужен был этот заговор?

Причин, видимо, несколько. Но главным образом, речь шла о кадровой политике в польской армии.

Что это значит?

Вероятно, речь шла о проблеме командиров крупных соединений. До 1948 г. этими соединениями командовали польские офицеры. Быть может, у них не было достаточно знаний, но

надо было смелее... Я предлагал выдвигать молодых, не пренебрегая при этом и старыми кадрами. Например, генерал Куропеский. До войны он был капитаном. Честный человек, знающий, интеллигентный. Таких было много. Но их отстранили от командования, многих арестовали, а на их посты назначили советских граждан.

После арестов офицеров коммунисты казнили также 19 офицеров Армии Крайовой.

Я вообще ничего не знал об этом позорном акте. Я узнал об этом позже из информации ЦК, предназначенной для внутреннего пользования.

Мне думается, что эти два дела были тесно связаны. Но какую цель они преследовали? Уничтожить всех польских офицеров?

А почему были уничтожены кадры польской компартии? Разве это случайно, что уничтожили Бруно Ясенского, Витольда Вандурского, Ришарда Стане и Анджея Волицу, и лишь чудом уцелели в лагерях Броневский и Чухновский. Такая наша печальная история. Наконец, этих несчастных офицеров выпустили — Комара, Флато, Ледера. Позже освободили Гомулку, но продолжали держать Спыхальского.

За что?

Это было частью грандиозной провокации Берия, в результате которой должны были оказаться в армии, в органах и в партии послушные люди, которые зависели бы от него. Спыхальского обвинили в том, что он помог довоенным офицерам захватить руководящие посты в армии, а ведь эти офицеры — „антисоветчики”. Кроме того, брат Спыхальского командовал в Кракове частями Армии Крайовой, а до войны был кадровым офицером. Спыхальского обвинили в том, что он передавал брату сведения о положении в армии, а тот, в свою очередь, передавал эти сведения в Лондон. Спыхальским зани-

мался непосредственно сам Берут. Я говорил, что все это не клеится, и что все доказательства, собранные органами госбезопасности, вызывают сомнения. Я сказал тогда: у нас могут быть претензии к Спыхальскому по партийной линии — за подбор кадров в армии и из-за опасности, вызванной тем, что командирами крупных объединений стали офицеры, связанные со старым режимом. Но ведь опасность возникает и тогда, когда этими объединениями командуют советские граждане, или такие как Рокоссовский, который принял польское гражданство, но в случае конфликта даже не задумается, чьим приказам подчиниться. Я понимаю, что не следует вступать в конфликт с Советским Союзом, но мы не можем быть и протекторатом, который лишь исполняет приказы. Народ на это не пойдет. Я был за то, чтобы освободить Спыхальского и поставить его дело на обсуждение партийного форума.

Я слышала, что Спыхальского хотели увезти в Москву?

Да что вы? За то, чтобы отдать Спыхальского под суд, были только Рокоссовский и Юзвяк. Часть товарищей воздержалась. Берут же, поняв, как обернется дело на Политбюро, поехал в Москву жаловаться.

На вас?

Не только. На все Политбюро. Дело не обсуждалось на заседании Политбюро, но с его членами беседовали, и Берут знал, что большинство не соглашается, чтобы Спыхальского судили. Разговор со мной окончился ссорой, и Берут решил наказать меня, не взяв с собой в Москву на XX съезд КПСС. Хрущев же отказался принимать решение. Он якобы сказал: „Это ваше дело, решайте сами”. Это совершенно потрясло Берута, но еще больше потряс его доклад Хрущева.

В марте 1956 г. я, будучи уже первым секретарем ЦК, поставил на Политбюро дело Спыхальского. Я не предлагал полностью его оправдывать, поскольку не хотел вступать в открытую войну с Рокоссовским, но рекомендовал как бы забыть об этом деле... Я был убежден, что это будет первым этапом — преж-

де всего нужно освободить человека, а уж потом реабилитировать. Некоторые товарищи уклонились от ответа, не сказав ни да, ни нет. Мазур заявил, что едет в Москву лечиться. Он действительно в этом нуждался. После лагерных пыток в годы Ежова у него не переставали кровоточить ноги. Юзвяк и Рокоссовский требовали судебного процесса. Политбюро все-таки приняло решение освободить Спыхальского. Мы запросили в прокуратуре обвинительное заключение. Они нам его не отдали и уведомили о нашем распоряжении Юзвяка. Он сказал, что немедленно приедет в прокуратуру, и приказал им не отдавать обвинения. Я сел в машину и поехал туда же. Я сделал это преднамеренно, чтобы работники прокуратуры и офицеры-юристы поняли, что дело не шуточное. Юзвяк мне сказал, что он еще раз прочитал обвинение и что оно правильно. Я ему ответил: „Вы можете не соглашаться с постановлением политбюро, но тогда вам следует подать в отставку, а мы будем решение политбюро выполнять”.

Обвинение вернули, и Спыхальского освободили, несмотря на то, что Юзвяк продолжал „размахивать кулаками”. Товарищ Юзвяк в молодости вступил в легион Пилсудского, потом, уже в зрелом возрасте, вел себя часто как ефрейтор, слепо веря при этом советским товарищам.

Тогда же вы узнали и о преступлениях Сталина?

Это было для нас страшным ударом, как топором по голове. Правда, мы знали о деформациях и даже о некоторых преступлениях, но мы не подозревали об их масштабах и жестокости. Доклад Хрущева для всех был неожиданным ударом. Необходимо было решить, будем ли мы придерживаться линии XX съезда КПСС или не будем в Польше упоминать о преступлениях Сталина и Берия. За обнародование этих преступлений КПСС заплатила высокую цену, а в Польше пришлось бы, возможно, заплатить еще дороже. Но возник иной вопрос: имеет ли право наше руководство скрыть все эти преступления, или лучше будет как можно быстрее переплыть эти бурные и мутные воды, сказать горькую правду, как мы ее видим, не теряя надежды перевернуть эту страницу истории.

Вы избрали второй вариант?

Я считал, что мы не имеем права утаивать эти преступления и все, что произошло на XX съезде КПСС, невзирая на шок, который это вызовет в партии и у всех поляков.

А были среди вас люди, предпочитавшие первый вариант?

Дорогая, даже в Советском Союзе не все поддержали Хрущева, и на XX съезде тоже... Вскоре появилась „антипартийная группировка”. Это не совсем точное определение, но его употребила советская печать. Я не исключаю, что у этой группы были сторонники и в Польше, причем не только симпатизировавшие, но и тесно с ней связанные. Ведь и у нас доклад Хрущева вызвал смешанные чувства. В Польше появились различные неформальные группировки, различавшиеся своим отношением к постановлениям XX съезда. Это не были фракции – их сторонников не связывала фракционная дисциплина.

Были две группировки – пулавская и натолинская. Вас причислили к пулавской.

Я решительно отвергаю все попытки зачислить меня в какую-либо группу. Я не принадлежал ни к одной из них. Моей задачей было сблизить людей, именно об этом я неоднократно говорил с Завадским и Рапацким. Я говорил им: „Мы не можем допустить раскола партии, мы обязаны предотвратить его. Надо объединиться на базе основных принципов и сосредоточиться, прежде всего, на решении экономических проблем. Это сложное дело, которое потребует объединенных усилий всей партии и рабочего класса”... Эти трудности существовали и раньше, но тогда они стали особенно ощутимыми и от партии требовалось исключительное умение, чтобы с ними справиться. А партия отвыкла от политической работы и стала полагаться только на административные методы.

Доклад Хрущева был обнародован только в Польше?

Весной 1956 г. действительно только в Польше. В июне я поехал на сессию СЭВ и советские товарищи выразили мне свое недовольство по этому поводу. Ведь они публично заявили об этом только на XXII съезде, а мы сразу после XX.

Секретный доклад Хрущева в Польше продавался на толкучке.

Этого я не знаю, но мы разослали его во все парторганизации. Его там зачитывали, и прения были весьма бурными. Благодаря нам, с этим докладом могли ознакомиться коммунисты и в других странах, а также советские коммунисты. Копии распространялись по всей Польше, и часть их попала за границу.

Берут умер в Москве сразу же после XX съезда, и вас избрали первым секретарем ЦК. Кто тогда был контркандидатом?

Не знаю. Я предлагал выбрать Александра Завадского.

Вы сами не хотели быть первым секретарем?

Не хотел — по нескольким причинам. У меня было несколько столкновений с советскими товарищами, и я считал, что это вредно для наших дел. Советские товарищи не забывали, что я был против продления рабочего дня шахтеров в 1947 г. и требовал отозвать в СССР Вознесенского и Скульбашевского. Кроме того, я не скрывал, что считаю преступно уничтоженную польскую компартию символом лучших традиций польского революционного движения. Сразу же после избрания меня первым секретарем, в июне 1956 г., я вступил в конфликт с ними — на этот раз из-за угля. В июне 1956 г. я поехал в Москву на заседание СЭВ. Видимо, кто-то инспирировал воинственное выступление гонведа Гере, и тот резко выступил против польского руководства, критикуя его за недостаток „интернациональной солидарности”. За несколько дней до сессии в „Правде” была опубликована статья советского журналиста о посещении польских шахт. Шахтеры с удивлением спрашивали, почему

так низок план добычи и говорили, что его можно повысить... Итак, Гере, потом Ульбрихт, а еще позже Новотный набросились на нас, утверждая, что поляки не хотят давать уголь, и забыли об интернационализме. Я резко ответил, что мы не привыкли к такому обращению. Я указал не только венгерским, но и немецким товарищам, что мы лучше, чем они и distinguished корреспонденты знаем, что Польша может дать, а чего не может. „Не имейте иллюзий, Польша не дает больше угля, потому что не может. Мы будем рады, если нам удастся выполнить договорные обязательства. Шахтеры работают не только в будни, но и в выходные и в праздничные дни, и если слишком натянуть струну, — она лопнет. Шахтеры перегружены. Забастовка в угольной промышленности может распространиться и на другие отрасли, а если даже бастовать будут только шахтеры, то и тогда угля не прибавится, а с политической точки зрения это будет катастрофой. Мы несем ответственность за происходящее в стране. Не надо жить иллюзиями”. Все это я говорил не только Ульбрихту и Гере...

По правде говоря, все это звучит для меня странно. Я говорю о форме. Они натравливают на вас кого-то (назовем его „делегатом”). Тот, ради личной выгоды, или, скажем, чтобы его похвалили, нападает на вас. Вы делаете вид, что не знаете, кто скрывается за „его” спиной, и даете ему отпор. Я не знаю, но... Вы, что, смеетесь?

Доченька, родная. Во-первых, в истории СЭВ, насколько я помню, никто никогда не противился...

Это-то я как раз понимаю. Но неужели вы не могли торговаться, чтобы они хотя бы дали деньги на строительство и оборудование шахт?

Это детские замечания. Но я именно так и поступал. Об этом пишет в своих воспоминаниях Энвер Ходжа. Он, правда, часто врет или просто сочиняет, а меня он никогда не любил, потому что я говорил, что думал, о его методах правления. Но в данном случае Ходжа написал правду: „Охав выступил с протес-

том и сказал: хотите польский уголь, дайте деньги на капиталовложения”.

И дали?

Нет. Они, вероятно, рассчитывали, что я не долго продержусь на посту первого секретаря ЦК и что мне придется обратиться к ним за поддержкой. А я вообще не думал об этом. Хрущев к тому же обвинил нас в том, что похищенный польский самолет улетел в Данию, что мы распространяли материалы XX съезда КПСС, и что не все копии доклада Хрущева были возвращены в ЦК. Действительно, трех экземпляров не доставало. Товарищи объяснили это тем, что они их сожгли. Но ведь могли просто перепечатать и вернуть пронумерованные экземпляры, так что все это несерьезно. Я знал, что столкновение в СЭВ ставит мою позицию среди руководителей братских стран под удар, и что я должен уйти с поста первого секретаря ЦК, а то опять что-нибудь случится. Позже я сказал своим товарищам: „Нам необходимо найти такой выход, чтобы столкновение больше не было, но мы должны бороться за право самостоятельно решать польские проблемы”.

Ожидали ли вы, что в Польше вспыхнет конфликт?

Вооруженного конфликта я не предполагал. Скорее, могла начаться серьезная забастовка — где-нибудь в Силезии, в угольном районе. Я боялся, что прекратят работу шахты, что угля не будет вообще, но там все как-то обошлось. Я ожидал забастовок в Лодзи — тамошние женщины очень нервничали. Жизнь их была очень тяжелой. К тому же наша пропаганда, хотя мы ее смягчали, не сумела объяснить горькую правду и лишь подливала масло в огонь. Не имея возможности сказать правду, мы ничего не могли сделать.

Как случилось, что в Познани стали стрелять?

На заседаниях Политбюро мы не могли заниматься всеми конфликтами. Их было слишком много, и на самых различных

предприятиях. Мы старались выйти из этого тяжелого положения политическими и экономическими средствами. Мы приняли целый ряд решений — об ограничении капиталовложений в новое строительство производственных предприятий, об амнистии для большинства политических заключенных, о повышении заработной платы во многих отраслях промышленности. Мы считали, что людям следует дать больше даже за счет наших скудных резервов, которые трогать мы, в принципе, не имели права — ведь государству необходимы резервы на черный день. А этот черный день приближался. Повышение зарплаты не изменило положения. Уровень жизни все равно был низким. Заниматься ограничением капиталовложений мы поручили товарищу, который умел быстро принимать решения. Ведь, как говорил Ницше, что долго решается, становится сомнительным. Все нужно было делать оперативно. Такую политику мы вели с 1955г., но положение по-прежнему было трудным. Недовольство рабочих. XX съезд и разоблачение террора и произвола Сталина. Напряженная международная обстановка. Недавно закончилась война в Корее, но уже разгоралась война во Вьетнаме. Продолжалась холодная война с Западом, и не было никакой уверенности, что в какой-то момент нас не схватят за горло.

Кто?

Империалисты, доченька, те, кто подготовили контрреволюционные выступления в ГДР в 1953г. Потому, несмотря на нашу нищету, необходимо было давать средства на вооружение. Мы объясняли союзникам, что положение в стране плохое, но нам не всегда и не в достаточной мере удавалось сократить военные расходы. Поэтому и повышение заработной платы было недостаточным.

Так что же все-таки было в Познани?

Я подчеркиваю, что ЦК в этом столкновении не виноват. Все это созревало годами, и было очевидно, что ни молитвами, ни нашими скромными финансовыми ресурсами этой проблемы не решить. Мы не могли справиться с ней, даже если бы нам, в

Польше, дали полную свободу действий. Политбюро решило, что необходимо заниматься главными задачами, такими как ограничение капиталовложений, увеличение фонда зарплаты, сокращение бюджета Министерства обороны, вопросы, связанные с сотрудничеством в рамках СЭВ и т. д. Министры и заместители председателя Совета Министров должны заниматься конфликтами — по правительственной линии.

Значит, вы обвиняете Циранкевича?

Нет, совсем нет. Политбюро командировало в Познань премьер-министра, рассчитывая на его политический опыт и умение быстро принимать решения. Но он столкнулся с труднейшими проблемами. Факт свершился, вооруженная атака на органы госбезопасности уже началась. Впрочем, Циранкевич, который пережил Освенцим, был сломленным человеком. Я видел его в разных ситуациях, и, к сожалению, он часто вел себя бесхарактерно. Никто в Познани не стрелял по бастующим и демонстрирующим рабочим, однако вооруженные нападения авантюристов и провокаторов на сотрудников органов народной власти изменили обстановку. О том, что в Познани может начаться всеобщая забастовка, я узнал накануне ее. Мне позвонил Стасяк (тогда он был первым секретарем обкома партии) и сказал, что он присутствовал на собрании железнодорожников, слушал их речи и, по его мнению, в городе активизировались организованные группы, действующие против народной власти. Стасяк был не из пугливых, но по его тону не трудно было понять, что он сильно обеспокоен.

Стасяк говорит, что он звонил вам за несколько дней до забастовки.

В каких-то промежутках времени я беседовал со всеми секретарями обкомов. Но мне не кажется, что в первой беседе он сообщил нечто важное или вызывающее тревогу. Текучку мы направляли в отделы ЦК или в министерства. Я сказал ему: „Чего же ты не позвонил раньше?“ И на этом мы прекратили разговор. Я сразу же позвонил Пшулковскому, который отвечал

за органы госбезопасности. Он сообщил мне, что вместе с Альстером едет в Москву на совещание. Было ли это случайным стечением обстоятельств или нет — не знаю. Но я сказал, что вместе они ехать не могут и что он должен все выяснить об организованных группах в Познани. Я распорядился, чтобы в Москву поехал Пшулковский, а Альстер остался бы выяснить, что происходит в стране, является ли Познань местным явлением, или угроза приняла более широкие масштабы.

Вы подозревали провокацию?

Я этого не исключаю. Я много думал об этом, но доказательств нет никаких. Пшулковский потом рассказывал, что сведения о ситуации в Познани были представлены ему советскими товарищами. У них были радиопередатчики, и они знали больше, чем сотрудники наших органов госбезопасности. Утром я узнал, что в Познани забастовка. Какие-то диверсанты распустили слух, что делегаты рабочих паровозостроительного завода имени Цегельского, которые за три дня до забастовки поехали в Варшаву, на переговоры с министром, арестованы. Это была ложь. Делегация встретилась с министром и вернулась с обещанием, что требования рабочих будут удовлетворены.

А нельзя ли было опровергнуть эту ложь?

Каким образом? Началась забастовка, и все вышло из-под контроля, наступила почти полная анархия. Демонстранты подошли к тюрьме. Начальник тюрьмы не оказал никакого сопротивления. Охрана отдала винтовки и гранаты. Толпа выпустила на волю уголовников.

Не только.

В большинстве уголовников. Других там не было или почти что не было. Политзаключенных не было, в этом я уверен.

Рабочие искали своих делегатов.

А их там не было.

Но рабочие не знали этого.

Ну вот. Освобожденные заключенные в подавляющем большинстве были уголовниками. Они взяли гранаты, автоматы и пошли штурмовать здание органов госбезопасности. В такой ситуации — другой разговор и другие аргументы. Они рвались убивать. По дороге зверски убили солдат из корпуса министерства внутренних дел и, кажется, еще кого-то, потом стали стрелять по зданию. Мы не могли допустить, чтобы они заняли здание и расстреляли работников органов госбезопасности.

Но те убивали раньше.

Я не хочу судить, были ли справедливы претензии к ним. Но стоит напомнить, что не они, пешки, были в ответе за положение в стране. Сотрудники познаньских органов госбезопасности не могли противостоять организованному нападению, а мы не могли сразу придти им на помощь. Даже отряда Корпуса безопасности не было под рукой — кто в отпуску, кто на задании. По стечению обстоятельств, создалось весьма странное положение. Тогда мне позвонил и вскоре лично прибыл Рокоссовский.

Без приглашения?

Да. Мы разговаривали с глазу на глаз. Рокоссовский предложил использовать отряды армии в борьбе с вооруженными авантюристами, атаковавшими государственные учреждения. Рокоссовский просил предоставить ему свободу действий и обещал уладить дела. Я согласился. Действовать надо было немедленно, и одного генерала для такой пустяковой с точки зрения военной стратегии операции было более чем достаточно. Другое дело — с политической точки зрения. Политбюро поддержало мое решение. Но Рокоссовский уладил дела плохо — он повел на Познань несколько дивизий. Слишком много солдат, слишком много. Нужно было действовать спокойнее и быстрее.

Скажите, как принимаются решения начать стрелять в людей? Ведь стреляли, и не раз.

Если на тебя идут с винтовками, с гранатами, если убивают людей из государственного аппарата, то не разговорами нужно отвечать, а силой. Однако число жертв надо ограничить до минимума. Если только бастуют, как это было в Гданьске, то нет оснований применять насилие, даже если пылают здания. Ведь это только реакция на необоснованные репрессии против рабочих. Но в Познани была попытка вооруженного восстания против народной власти, без провокации с нашей стороны. Это и есть основное различие между Познанью и Побережьем. Я не предполагал, что в 1970 г. польское руководство будет так глупо решать конфликт, который оно же спровоцировало — атаковать рабочий класс и применять пулеметы в качестве главного аргумента. Члены тогдашнего руководства приняли грубейшее решение, которое возмутило рабочий класс. В том, что произошло на Побережье в 1970 г., виноваты не только Гомулка и премьер-министр, но весь состав ЦК, который начал заседать, когда кровь уже лилась рекой. Никто тогда не выступил против. Сегодня многие из поучающих нас о демократии, тогда голосовали в поддержку этих авантюристских действий правительства и кричали о хулиганах. Это не были хулиганы!

Вы сейчас нервничаете, но ведь в Познани тоже не было хулиганов.

Провокаторы и авантюристы воспользовались недовольством рабочих и забастовками, они обманули их, утверждая, что делегатов рабочих арестовали; они заняли тюрьму, где даже не встретили сопротивления караула и освободили уголовников; они вооружились гранатами и автоматами и при участии уголовников атаковали здание органов госбезопасности и их сотрудников. Мы и тогда утверждали, что это не хулиганство, что корни уходят глубже.

Вы утверждали, что это дело рук империалистов.

Я отверг такие объяснения. Так же поступило большинство членов политбюро. Произошла и горячая дискуссия с советскими товарищами. Это они нам подсказывали, что познаньские

события следует объяснить происками империалистов. Нет никаких доказательств, говорил я им тогда, и я не могу выступить с таким объяснением на пленуме ЦК.

Сколько людей тогда погибло?

Столько, сколько мы назвали в то время. Ведь не стали бы передо мной скрывать подлинные размеры потерь.

Сколько солдат и сотрудников госбезопасности погибло?

Несколько. Точно не помню. Большинство жертв — случайные люди. Это всегда так случается, когда вводят много солдат. Позже я сделал Рокоссовскому замечание. „Вы просили предоставить вам свободу рук, и были правы. Но зачем нужны были несколько дивизий? Достаточно было одной роты, чтобы защитить здание и людей, т. е. сотрудников органов госбезопасности, и разоружить кучку уголовников”. И все. Стреляли с крыши? Откуда мне знать, в кого стреляли? В кого попали? Как правило, в таких обстоятельствах гибнет много случайных людей, просто зевак.

Вы не считаете, что во всем этом было нечто таинственное, поразительное?

Потом я проверял отчеты. О чем шла речь? О тех нескольких миллионах злотых? Нужно было их ассигновать из наших ничтожных государственных резервов. Экономика бы это выдержала.

Почему же не дали?

Не знаю и не хочу говорить об этом. Скажу только, что столкновение в Познани не приняло бы таких масштабов, если бы не произошло разоружения охраны тюрьмы. Не знаю, кто за этим стоял, но все могло быть по-другому, можно было избежать трагедии. К сожалению, мы не сумели уберечь страну от потрясения. И, конечно, отвечать за это должно тогдашнее руко-

водство. Я не собирался и не собираюсь отказываться от ответственности. Как первый секретарь я не сумел предотвратить познаньскую трагедию.

Это признание человека. А что скажет политик?

Стиснуть зубы. Молчать. Политика — это выбор меньшего зла, это искусство держать язык за зубами, время от времени играть крапленными картами.

Поговорим о Гомулке?

Я предложил освободить Гомулку из заключения еще в 1953 г., а годом позже поднял вопрос о восстановлении его в партии.

Клосевич утверждает, что первым предложил это он.

Не знаю, что предлагал Клосевич. Я с ним знаком еще с довоенных времен. Он был хорошим коммунистом. Я говорил о Гомулке в узком кругу. Нельзя было поднять такое дело без предварительной подготовки. Многие, прежде всего Юзвяк и его сторонники, старались, чтобы Гомулка не смог вернуться в партию.

Добавим, чтобы он не вернулся нормальным путем.

Вышло плохо, потому что в 1956 г. дело Гомулки стало снова актуальным, и некоторые товарищи использовали его для фракционной борьбы внутри партии.

Тогда же зародился и миф о Гомулке, „хорошем Гомулке”, которого преследуют сталинисты.

В связи с этим некоторые журналисты дали волю своей фантазии. Я считал, что дело Гомулки нужно решать осторожно, на тормозах, потому что для партии это будет чем-то вроде землетрясения. Я говорил тогда на политбюро, что мы должны

признать, что допустили ошибку, обвинив Гомулку в антикоммунистическом заговоре и что следует возместить это политически. После XX съезда мне стало ясно, кто организовал „международный заговор“. Я сохранил свое мнение относительно „правого уклона“, но повторял, что это дело прошлого, и, имея другие заботы, незачем дискриминировать Гомулку и препятствовать его возвращению в партию.

Ему вроде бы предлагали должность первого секретаря обкома во Вроцлаве?

Впервые слышу.

Двое товарищей навестили его и предложили этот пост.

Кто к нему тогда не ходил.

Вы тоже с ним встретились. Чья это была инициатива?

Кажется, моя. Я знал, что он встречался с товарищами из руководства, особенно после Познани, и встречался без моего ведома. Первым был Замбровский. Он надеялся, что Гомулка изменится, а тот его потом замечательно отблагодарил. Замбровский упорно добивался поддержки политбюро. Он говорил, что „Wieslaw“ (Гомулка) изменился. Уже не кричит и не обижает товарищей. Циранкевич тоже бегал к Гомулке, у него были свои доводы, и я не буду на них останавливаться. Гомулка очаровал их патристическими фразами о независимости Польши и т. п. Им казалось, что одних этих фраз достаточно, чтобы завоевать сердца поляков и вернуть доверие.

А разве это не так?

Да, но это не коммунизм и различия только начинаются. Патристические фразы не приносят пользы ни стране, ни коммунизму. Ведь и довоенные политики, которые привели к катастрофе, тоже были по-своему патристами. Квятковский, например, очень страдал из-за тяжелого состояния экономики, но ведь он

поддерживал Березу, и травлю коммунистов и антифашистской оппозиции. Он был патриотом, но как он относился к белорусским и украинским патристам? Что же мы — высшая раса? Для нас независимость и национальная культура — это главное, а для них нет?

А что было дальше с Гомулкой?

На заседании политбюро, на котором было решено, что к Гомулке поедет Кручек, я говорил, что Гомулку следует вернуть на его прежние посты и восстановить в партии.

Кручек пригласил Гомулку на беседу с вами?

Да. Мы встретились в ЦК. Я сказал Гомулке, что обвинение в „международном заговоре“ было тяжким оскорблением для него и нанесло ущерб партии, и что я чувствую себя глубоко виновным, поскольку в определенной мере участвовал в этом, хотя и не я затеял все это дело. Я даже не присутствовал, когда оно готовилось. Я сказал Гомулке, что прошлое не должно разделять нас.

Вы обращались к нему на ты?

Нет, на ты мы были раньше. Я сказал ему также, что он был прав относительно Югославии. Мы, в политбюро, тогда не понимали, насколько ужасно положение. Но даже если бы и понимали, тогда мы все равно ничего не смогли бы сделать. Сейчас наша страна снова в трудном положении и нужно найти выход из него. Мы хотим использовать вас, на активной партийной работе, решить вопрос вашей партийной принадлежности и вынести его на политбюро. Но вы должны сказать мне, хотите ли вы быть членом партии? Гомулка ответил, что да. Я спросил, одобряет ли он линию партии. Гомулка ответил, что в принципе одобряет, но с некоторыми оговорками. Оговорки могут быть, сказал я. И это все... Больше я ему ничего не предлагал — ни участия в работе ЦК, ни включения в состав политбюро, не предлагал я ему и стать заместителем председателя Совета минист-

ров.

Гомулка утверждает, что вы это предлагали.

Ошибается. Естественно, на верхах мы рассматривали вопрос, что можно предложить Гомулке. Я лично думал, что его следует ввести в состав ЦК и, возможно, говорил об этом товарищам, но неофициально. Позже я беседовал на эту тему с Завадским и Рапацким. Пусть Гомулка войдет в состав политбюро, пусть будет заместителем председателя Совета министров, а потом увидим. Я им говорил тогда: вы знаете его высокомерие, ограниченность, тщеславие и своеволие. Не будем спешить, настаивал я.

А как относился к этому Хрущев?

Хрущев как-то заинтересовался здоровьем Гомулки. Он, правда, напал на меня на июньском заседании СЭВ, но потом, до октябрьских событий, вел себя довольно прилично. Где-то в июле Хрущев спросил, как здоровье Гомулки — мол, в Союзе хорошие специалисты и они его подлечат. Я ответил, что нет надобности, чтобы Гомулку лечили в СССР, а если вы хотите пригласить его, то спросите сами. Адрес знаете, сказал я Хрущеву, ваши из посольства часто к нему заходят. Польское руководство препятствовать не будет. Если захочет, пусть едет.

И он поехал, но на польский курорт, в Цехоцинек. Ходили слухи, что в октябре 1956 г., во время обострения напряженности между Польшей и СССР, Чжоу Эньлай позвонил в Москву и предупредил, что Китай не одобрит интервенцию в Польшу. Это правда?

У меня не вызывало сомнений, что в случае серьезных осложнений в Польше Советский Союз, несмотря ни на что, будет действовать решительно. Поэтому я старался не допустить кризиса и избежать в то же время изоляции польской партии от братских компартий. Особое значение мы придавали информированию китайских товарищей о нашем непоколебимом стрем-

лении сохранить социалистический курс и во внутренней и во внешней политике. В связи с необходимостью информировать китайских товарищей, я и выпетел на съезд КПК.

Как это ни странно, именно этот съезд принял решение строить социализм, опираясь на дружбу и сотрудничество с СССР и странами народной демократии.

Со мной были только Юзвяк, Оскар Ланге и наш посол. Я знал, что Юзвяк сразу же побежит к „своим“, но я надеялся, что он не поймет моих метафор. И я не ошибся. В беседах с Мао, Чжоу Эньлаем и Чжу Де я пытался ориентировать их в нашей тяжелейшей ситуации и наших планах социалистического преодоления кризиса. Ланге поддержал меня, а Юзвяк с восхищением смотрел на китайских товарищей и молчал.

К счастью?

Да, к счастью. Хотя повредить нам он не очень-то мог. Юзвяк по-своему человек честный. Он мой друг. Мы сидели вместе в тюрьме. Но он свято верил Москве, и лучше было, что он не компрометировал мое сообщение о намерении включить Гомулку в состав партийного руководства.

А Ланге? Его вы не боялись?

Нет. Ланге знал, в чем дело, он понимал все метафоры и намеки.

И намерения?

Да. Но эти намерения надо было высказать. Я встречался с Мао, Чжоу Эньлаем, Чжу Де и Лю Шаоци. Смысл моих высказываний заключался в том, что мы намерены сами решать польские проблемы. Я упомянул, что мы хотим включить Гомулку в состав руководства, вознаградить за допущенную по отношению к нему несправедливость, что это должно объединить партию. Китайские товарищи с симпатией отнеслись к нашим

усилиям, и я чувствовал, что мне лично они доверяют.

Говорили ли вы о возможной интервенции?

Нет, не говорили. Напротив, я подчеркивал, что наши отношения с Советским Союзом должны основываться на равенстве и независимости, если вообще можно говорить о равенстве между сверхдержавой и нами. Я процитировал польского поэта, который писал: „Кто не брат моему сердцу, не может понять моей души”.

Это одна из метафор, а помните ли вы другие?

Я отчетливо помню атмосферу. Нас ни на минуту не оставлял советский посол в Пекине. Он все время ходил за мной. Я хотел что-то сказать китайским товарищам, а с одной стороны от меня Юзвяк, с другой, — советский посол. Мне показалось, что китайцы начинают понимать мои намеки, но оказалось, что не полностью. Когда мы уже собирались улетать, выяснилось, что с нашим самолетом что-то произошло. Видно, китайцы постарались, и я смог еще в течение нескольких часов поговорить с Чжу Де.

А где был советский посол?

На аэродроме был только наш. Советский посол не предвидел такой ситуации. Со мной были Ланге и Юзвяк. Я объяснил Чжу Де, что в Польше активизируются антисоветские настроения, что, в частности, проявилось в Познани, но это не значит, что мы намерены порвать с русскими или нарушить союзные отношения. Мы просто хотим, чтобы поляки в рамках общей социалистической концепции были хозяевами в своей стране, как и вы хотите быть хозяевами в вашей. Я объяснил также, что обвинение Гомулки в участии в „международном заговоре” было ложным и мы берем его назад. Тем более, что после доклада Хрущева уже известно, где корни этого „заговора”. Я сказал также, что считаю возможным и нужным включить Гомулку в состав политбюро, хотя он и отказывается от самокритики. Но для

народа не имеет значения, какой у кого уклон. На основные же проблемы, добавил я, у нас с Гомулкой общие взгляды. В какой-то момент китайские товарищи стали упрекать нас, что мы слишком мало информируем поляков о тяжелом положении китайского народа. „У вас столько хлеба, столько квартир, и вы поэтому не понимаете, как тяжело китайцам”.

Почему вы смеетесь?

Это было наивно. Как информировать? Ведь наши рабочие знают, как живут рабочие во Франции, в Западной Германии, в США, ведь миллионы поляков за границей, и наши рабочие сравнивают свою жизнь с теми, кто живет лучше, а не хуже. И я отклонил предложение популяризировать в Польше китайскую бедность. Но все-таки я пришел к выводу, что в трудной обстановке китайцы нас поддержат. Я допускал возможность интервенции. Таких номеров, какие мы выкидывали Советам, им не выкидывал никто — ни раньше, ни позже. (*Охаб смеется.*) То, что я делал, приносило пользу и Советскому Союзу, но они этого не понимали. Для них вторжение в Польшу было бы несчастьем. Не потому, что они не могли сломить нас. Сил у них более чем достаточно. Но последствия оказались бы трагическими и для них.

Догадывались ли советские руководители о вашей игре?

Трудно было не догадаться. Хуже, что они думали, — холера, — что мы решили изменить им. А они ведь всегда подчеркивают, сколько крови они пролили в Польше — 600 тысяч солдат погибло там — и ни за что? — спрашивают советские представители. Изменение нашей ориентации означало бы кардинальное изменение положения в Европе и мире.

Значит, ваша игра была направлена против Советского Союза?

Да нет. Но я считался и с тем, что в головах православных догматиков, изучающих наши партийные документы, может

возникнуть идея, что проблему Польши возможно решить не теологией, а огнем и мечом.

Но почему вы вдруг решили искать поддержки у китайцев?

А у кого? У Новотного? У Ульбрихта? Они ничего не понимали и ничего не могли сделать. С другой стороны, Ульбрихт был хорошим коммунистом, он мечтал о победе коммунизма, но он был не слишком умен, а, может, у него начинался склероз... Однако Китай — это самостоятельный фактор. Я уверен, что несмотря на все наши заявления советскому руководству, что интервенции мы не допустим, что будем держаться твердо, вторжение произошло бы, если бы не предостережение Китая, и вы могли бы принести букет цветов на мою могилу. Но это, наверное, не пришло бы вам в голову.

Я ведь была еще ребенком. Скажите, как помогли вам китайцы?

Не знаю. Знаю только, что когда Чжоу Эньлай приехал в Польшу в январе 1957 г., он говорил, что они выступили против намерения военного вторжения СССР в Польшу и заявили, что если поляки даже заблуждаются или ошибаются, они должны сами разобраться в своих проблемах.

Каким образом они это заявили? Позвонили? Послали письмо?

Не знаю. Достаточно было дать понять это в деликатной форме. Когда пистолет на столе, надо действовать очень осторожно, чтобы он не выстрелил.

А как вели себя другие партии „братских” стран?

Доченька, о чем ты спрашиваешь? Другие партии, слепо подражая КПСС, дали согласие на интервенцию. Они считали, что в Польше берут верх контрреволюционные силы.

И Тито?

Тито — нет.

А венгры?

Естественно, да!

Но ведь в правительстве был Надь?

А партией руководил Гере. Ракоши был уже в отставке. Я с ним говорил еще в августе. Венграм не нужно было принимать участия в интервенции. Советские друзья сами бы все сделали. Ну, может быть, запрягли бы еще чехов, немцев и румын. Во всех этих странах было полно генералов и так называемых советников из России, и нет сомнений, что они подчинились бы приказам Москвы. Уже потом я спрашивал премьер-министра Румынии: „Вы согласились на интервенцию?”. Он промолчал.

Чему вы улыбаетесь?

Это была очень смешная сцена. Он пил чай, когда я задал ему этот вопрос. Он отставил стакан и снова стал класть в него сахар. Потом кто-то подошел, и он воспользовался случаем перейти на другую тему.

Был ли разработан план интервенции?

Не знаю, никто мне не докладывал.

Я знаю, но...

Но танки двинулись. Вы же знаете... Вся Польша знала, весь мир знал. И если бы не китайцы...

На что рассчитывали китайцы?

Трудно сказать. Они нас переоценили. В январе 1957 г.

в Польшу приехал Чжоу Энлай, потом Чжу Де, а в 1960 г., когда они готовились к разрыву с Москвой, на встрече компартий в Москве, Чжоу Энлай заявил польской делегации: „Мы помогли вам в 1956 г., теперь ваша очередь помочь нам”. Это было нереально. Мы не могли и не хотели вступать в конфликт с Советским Союзом. Ведь Польша может расти только в союзе с Советским Союзом, и мы должны сохранить этот союз. Но это не значит, что нас надо вести за руку, как ребенка. Мы гордый народ и не смиримся с таким положением. Некоторые наши советские друзья недооценили ни гордости, ни чувства национального достоинства поляков, считая все это мелочью. Для кого мелочь, а для кого — нет.

А другие члены политбюро понимали это?

Кто как. Некоторые считали, что нужно беспрекословно слушаться.

Обращались ли вы за помощью к другим партиям или только к китайцам?

В сентябре 1956 г. достаточно было китайцев.

Но ведь в августе в Югославию поехала делегация Сейма. Чтобы только объяснить в любви?

Можно сказать и так. В принципе же они поехали наладить нормальные отношения. Но избегали антисоветских акцентов.

Вы не виделись с Тито?

Тогда нет. Я встречался с ним в 1957 г. и позже. Я знаю, что Рапацкий беседовал с югославским послом. Он говорил и о положении в Польше, но мы не ждали от них помощи.

Вы сказали, что танки двинулись. Подозревали ли вы, что кто-то в Польше готовил путч?

Не было конкретных доказательств, что, как вы это называете, готовится путч и составляются черные списки. Но было много беспокоящих признаков. Товарищ Рокоссовский настойчиво требовал принять решительные меры против прессы, он даже стукал кулаком по столу. Пришлось объяснить ему, что это не летучка в армии, а заседание политбюро, и что здесь нет пугливых, пусть побережет кулак для более подходящего случая. Потом он приходил извиняться, рассказывал о своих ранениях, о том, что нервы сдают. Товарищ маршал, — сказал я ему, — мы высоко ценим ваши заслуги в освобождении Польши и разгроме гитлеровской Германии, но основные дела решать будет политбюро, и вы должны принимать в этом участие лишь как член политбюро на равных началах со всеми. Маршал был выдающимся полководцем, он и на этот раз верно оценил обстановку, — что мы можем, и чего не можем. Обстановка становилась трудной, для него в особенности.

Что вы могли сделать? Вы обсуждали этот вопрос с генералом Комаром.

Да. По договоренности с председателем государственного Совета, я обсуждал это с командующим внутренними войсками генералом Комаром и утвердил его план размещения войск, чтобы не повторилась познаньская ситуация, когда мы не были в состоянии послать на помощь органам госбезопасности ни одной части корпуса внутренней безопасности, так что в результате пришлось передать дело министерству обороны. Я поручил также товарищу Алстеру приготовить совместно с генералом Комаром приказ Министерства внутренних дел о боевой готовности Корпуса внутренней безопасности. Потом по этому поводу ходили всякие легенды, о которых я сейчас говорить не буду. Нас беспокоили сведения о настроениях среди командного состава армии. Мы постановили усилить политработу, особенно среди младших офицеров, которые легко поддавались националистическим настроениям.

Могло ли произойти столкновение?

Я считал, что если бы оно произошло, это была бы катастрофа. Но и этой угрозой надо было умело воспользоваться, чтобы иметь возможность в любую минуту сказать советским товарищам: „Неужели вы стремитесь к этому? Ведь мы решаем наши внутренние дела. Быть может, неумело, но решаем. Нам ведь не приходится в голову навязывать вам свою волю или спрашивать, что вы намерены делать”. Игра была сложной и трудной. Хрущев догадался, в чем дело, и поэтому, прилетев в Варшаву на VIII-е пленарное заседание ЦК, он еще на аэродроме стал кричать: „Мы знаем, кто здесь враг Советского Союза!”. Дело обернулось, в конце концов, так, как я предполагал, но потрясение было сильнейшим.

А Рокоссовский догадывался?

Нет. Он был блестящим полководцем, но плохим политиком. При встрече в начале октября он признал, что заметно ослабел его авторитет в армии, что в некоторых частях упала дисциплина и он не уверен, послушаются ли солдаты своих командиров в случае кризиса. Атмосфера накалялась, становилась взрывоопасной.

Ходили слухи, что Стефан Сташевский, в то время первый секретарь Варшавского комитета партии, раздал оружие рабочим. Вы улыбаетесь!

Откуда бы он взял оружие?

Не знаю.

Разговоры. Конечно, мы допускали возможность выступлений авантюристов, вооруженных, например, бутылками с бензином. Я также не мог исключить возможность нападения на здание ЦК или правительства. Мы совещались с Рокоссовским, и решили, что на особо уязвимых участках должны находиться военные соединения.

Часть этих отрядов была расположена вдоль реки Бзуры.

И там остановились. По приказу Москвы. Ведь командовали этими соединениями советские граждане — честные люди, хорошие коммунисты, но если бы им пришлось делать выбор, то они, наверняка, выбрали бы не нас.

Размещенные на территории Польши советские войска вышли тогда из казарм. Для чего? Для запугивания?

Да.

А как еще запугивали? Писали письма?

Нет, доченька. Когда пишут письма, это еще не так страшно. Меня навещал советский посол, и еще... Нет, не буду...

Вы опять улыбаетесь.

Я не хочу говорить на эту тему. Но я им объяснил, какие их советы придется отклонить.

Какие советы?

Послушайте, у сотрудников советского посольства было огромное число претензий ко мне. Они посылали доклады в Москву о положении в Польше, а потом старались привести это положение в соответствие со своими отчетами. Пономаренко спасал свою шкуру, указывая, что Польшей правят оппортунисты. Он подбирал цитаты из польских газет, которые в то время действительно распустили язык и писали — правильно или неправильно — но всегда с шумом, не понимая положения, в котором находится Польша, и нам никак не удавалось убедить журналистов, что иногда лучше промолчать, не дразнить союзника и не давать ему возможности утверждать, что в Польше уже началась или вот-вот начнется контрреволюция. Ведь в посольстве читали прессу и подбирали что надо.

Вторая проблема, которая беспокоила меня, это результаты амнистии политических заключенных. Я знал, что необходимо объявить амнистию, но это было сопряжено с большим

риском. Не вызывало сомнения, что большинство освобожденных снова возьмется за свое. Ведь это были наши противники, они сражались против нас с оружием в руках, они убивали наших. Правда, наиболее активные из них погибли или были казнены, но большинство их осталось в живых, они считали себя не только невиновными, но и героями. Рисковать, однако, было необходимо, во имя примирения с народом нужно было освободить их. Естественно поэтому, что высказывания вчера еще виновных, как и тон некоторых наших газет, беспокоили советских друзей.

Во время VIII пленарного заседания ЦК в Варшаву прилетел Хрущев. Без приглашения. Пришлось ехать встречать его на аэродром.

Но вам как-то сообщили, что он приедет!

Советский посол Пономаренко позвонил ночью и потребовал отложить созыв пленума. Он позвонил всего лишь за день до начала пленарного заседания. Я сразу же созвал политбюро, которое одобрило мое предложение, что пленум должен начаться в запланированное время.

Я сообщил об этом Пономаренко и сказал, что мы намерены выдвинуть кандидатуру Гомулки на пост первого секретаря ЦК. Позже из посольства позвонили еще раз с требованием отменить пленум и сообщили, что прилетает Хрущев. Я повторил, что пленум отменен не будет, и он прилетел. Я встречал Хрущева на аэродроме вместе с Циранкевичем, Гомулкой, Завадским, кажется, Замбровским, и еще кто-то был. Сначала прилетели Молотов, Микоян и, кажется, Каганович. Все было довольно спокойно. Поговорили. А через несколько минут прилетел Хрущев. Выйдя из самолета, Хрущев сразу же стал грозить нам кулаком. Он подошел к советским генералам, которых там стоял целый ряд, и сначала поздоровался с ними. Лишь потом подошел к нам, и снова стал размахивать кулаком перед моим носом. Это явно была угроза не только мне, но и всей нашей партии. На аэродроме было много людей. Десятки шоферов, охрана, советские советники, члены польского руководства. Было очевидно, что скоро об этом узнают все. Пришлось сделать нашему высоко-

поставленному гостю замечание. В польской столице, — сказал я, — мы хозяева, и нечего устраивать представления на аэродроме, поехали в Бельведер, куда обычно приглашаем дорогих гостей. В Бельведере я объяснил Хрущеву, что пленум не будет отменен. Я провел в тюрьмах много лет, и не боюсь тюрьмы, да и вообще запугать меня не так уж просто. Мы отвечаем за Польшу, и делаем то, что считаем нужным, это наши внутренние дела. Мы не делаем ничего такого, что принесло бы вред нашим союзникам, тем более Советскому Союзу.

Микоян пытался успокоить меня.

Каким образом?

Он говорил, что это дружеский визит, что они нам не враги. Но мы не поступаем так по отношению к друзьям, — сказал я. — Мы не отменим пленарное заседание, и польские дела будут решать наш ЦК.

Чем угрожал Хрущев?

Интервенцией. Советские дивизии уже двинулись к границе Польши. И еще Хрущев кричал: „Мы разберемся, кто враг Советского Союза”. Тогда Гомулка сказал: „Охав враг, Гомулка враг, опять начинается прежнее”. А Хрущев ему говорит: „К вам у нас нет никаких претензий. Вас мы приветствуем. Но он... , — и тут Хрущев указал на меня, — с нами не согласовал всего этого”. Я спросил у Хрущева: „А вы согласовываете с нами состав вашего политбюро или ЦК?” Хрущев засмеялся: „Ну, что вы, что вы...” Но больше уже на нас не кричал. Начались переговоры — трудные, неприятные, по конкретным вопросам. Есть материалы, документы, и историки будут их изучать. Скажу только: они говорили свое, а мы — свое...

Так и провели всю ночь?

Не всю. Был перерыв. Потом было заседание ЦК, и опять переговоры. Я в принципе угадал, каким будет результат.

А вы не боялись? Многие члены ЦК, опасаясь ареста, не

ночевали дома.

Было и такое...

Позднее, 9 ноября, Клоевич сказал в Сейме, что был составлен список из 700 имен. Он обвинил пулавскую группу в составлении этого списка.

Не знаю, кто составлял список. Пулавская группа или на-толинская, но слухи были... Моя фамилия открывала список.

Разве это только слухи?

Я сказал, что такие тогда слухи ходили, но не знаю, был ли план расправы с нами в случае интервенции. Положение было неустойчивым. Советские дивизии шли на Варшаву и, вероятно, сотрудники советского посольства и органов госбезопасности получили какие-то директивы. Возможно, и были списки подлежащих аресту. Мне не хотелось этим заниматься. После VIII пленарного заседания ЦК я сказал Гомулке, чтобы он выяснил, что тогда делалось. По-моему, это было связано с Рокоссовским и с теми, кто был в контакте с советским посольством.

А разве были не связанные с советским посольством?

Одно дело — официальные контакты, а другое — получать оттуда указания.. Я знаю, что все эти списки никакого значения не имеют, что все дела решаются в другом месте.

В 1968 г. из Чехословакии увезли в Москву все руководство.

Я знаю, что было в Чехословакии, но в Польше обстановка была совершенно другой. Яркий пример — Рокоссовский, у которого „что на сердце, то и на языке”. Ведь советские приятели, в сущности, помогли Гомулке занять пост первого секретаря ЦК.

Почему? Ведь обычно в таких „гарнизонных” странах, как Польша, непослушных убирают.

Не всегда. Бывает, что в игре несколько карт. Нужен кто-то, чтобы запугать. Нужна альтернатива. Обычно в такой ситуации тот, кто у власти, старается сохранить свой пост, делается более покладистым. Но я не той породы. Я пил это горькое зелье, потому что кто-то должен был его пить, но вовсе не хотел быть первым секретарем и считал, что будет лучше, если человек на этом посту будет менее чувствительным и у него будут лучшие, чем у меня, отношения с советскими товарищами.

Значит, Гомулка был пугалом для вас?

Разумеется. Хрущев как-то сказал ему: „Мы вас приветствуем”. По-видимому, они решили, что Гомулка наведет порядок, и что надо ставить на него.

И навел. Говорить нечего.

Тут они просчитались. Они думали, что меня выставят как человека, который с ними воюет, как двуличника, и что народ отвернется от меня, а Гомулка будет послушным. Гомулка же не хотел их слушать, да и не мог. В трудных переговорах он продемонстрировал упорство и характер.

И все-таки не понимаю, почему вы уступили ему власть?

Я не уступил, а подчинился большинству в политбюро. Я сделал это с тяжелым сердцем, потому что хорошо знал Гомулку. Я знал и то, что ему будут петь славу как спасителю, а это унижение для партии. У меня была другая возможность: поднять вопрос об избрании Гомулки первым секретарем ЦК на пленарном заседании и выступить против его кандидатуры, что было бы на руку советскому руководству и послужило бы поводом для советской интервенции; или я должен был присоединиться к большинству членов политбюро.

Но ведь в ЦК большинство было за вас, и вы могли победить.

Но это создало бы раскол в партии, а когда происходит раскол, то и разговор другой.

Какой?

Интервенция. Нам удалось избежать раскола и сохранить, несмотря на кризис, единство партии. Не избежали раскола ни венгры, ни чехи. Поэтому я выбрал другое решение и, согласно воле миллионов, „мирно“ передал власть Гомулке. По решению ЦК.

Гомулка начал не так уж плохо. Ему заплатили за уголь, который вывозили в предыдущие годы.

Этот вопрос я поднимал намного раньше на встречах с Микояном. В июле или августе Микоян показал мне клочок бумаги и сказал, что это расчет и что они нам перешлали. Гомулке удалось получить компенсацию за уголь, потому что он оказался в другом положении — это был как бы подарок ему по случаю начала правления. Жаль только, что Гомулка не извлек из этого соответствующих выводов, то есть что нельзя сходить с пути демократизации. Он испугался, что демократизация открывает двери враждебным элементам.

А вы сами так не считали?

Я считал, что надо рисковать, и предпочел внести изменения в положение о выборах. Правда, изменения были скромными, но все-таки...

В 1957 г. была, кажется, возможность...

Было решено увеличить число кандидатов в депутаты, ввести тайное голосование и не бояться, что кого-нибудь из руководящих вычеркнут. Но наш корифей испугался. Сначала он

обратился с патетическим воззванием к народу никого не вычеркивать, потому что от этого, мол, зависит самостоятельность Польши, а потом стал постепенно ограничивать число кандидатов и получилось, что избран „немой сейм“. Выборы были predeterminedены списком кандидатов. Я уже тогда говорил Гомулке, даже после моего перехода в государственный совет, куда я перешел против своей воли, что невозможно проводить такие выборы, как в прошлом. Необходимо найти выход в рамках Фронта единства народа. До этого я говорил с Рапацким, что голоса следует отдавать за списки кандидатов различных партий. Пусть ПОРП представит свой список, Крестьянская партия — свой, и другие партии — свои списки. Можно даже допустить список беспартийных. Пусть фронт единства народа предложит кандидатуры. Это не была бы еще полная демократия, но все же определенный прогресс на пути демократизации.

Как к этому предложению отнесся Гомулка?

Сказал, что этого он себе позволить не может.

Он считал это чрезмерной роскошью?

Гомулка утверждал, что враги мобилизуют свои ряды. Но ведь и я знал, как действуют противники, и я понимал, что нам необходимо укреплять позиции, но для этого можно было использовать фронт единства народа. Я говорил: рисковать необходимо.

В чем был риск?

Наша партия, доченька, как в силу исторических причин, так и из-за совершения ошибок, из-за непонимания международной обстановки, вовсе не была уверена, пойдет ли за ней большинство поляков. Ряды ее увеличивались в разные периоды разными темпами. Гомулка считал, что несколько списков кандидатов на выборах откроет двери враждебным элементам. Оглядываясь назад сейчас, мы видим, что Гомулка мечтал править авторитарно. Некоторым господам, и не только в Поль-

ше, это было по душе, и они его поддержали. Но когда увидели, что произошло, каким это было разочарованием и потрясением для народа, и когда пришлось сделать выбор: или — или, то Гомулку принесли в жертву. И правильно, но было бы намного лучше, если бы партия сама сумела вовремя избавиться от своих модержцев.

Такой шанс, кажется, появился в 1968 г.

Нет, тогда не было такой возможности. Вместо поиска решений основных проблем страны Гомулка стал искать врагов — сионистов, пятую колонну; он говорил, что не позволит...

Вы имеете в виду речь Гомулки на съезде профсоюзов через несколько дней после начала арабско-израильской войны в июне 1967 г.?

Да... Его речь была неожиданностью и для членов политбюро. Позже я сказал ему, что он не имел права выступать с такими заявлениями без одобрения политбюро. Гомулка стал оправдываться, что он работал поздно ночью и сам написал эту речь — детские сказки! Тогда-то я и понял, что это — конец, и что не в формулировках дело.

Но ведь в то время большинство и в политбюро и в ЦК поддерживали вас. Вы могли выступить с протестом.

У меня не было большинства. Если бы большинство было со мной, я бы выступил на пленарном заседании ЦК, а выступившие против потерпели бы поражение. Но тогда бы они обратились к рабочим — к новым, недавно переехавшим в города из деревни — и преподнесли бы им эти демагогические аргументы: почему плохо, почему трудно? Да потому что у власти евреи, и потому что Советы все забирают. Надо было принять решение, и я решил, что больше в этом принимать участия не намерен. Но Рапацкому я советовал стиснуть зубы и продолжать нести бремя. Рапацкий тогда сказал, что это выше его сил. То же я посоветовал Воясу и Вербловскому, но они меня не послушали.

Но ведь народ не так уж глуп, может быть, он понял бы вас?

Народ не глуп, это правда, но ведь на нем намордник...

И все же я не понимаю, почему вы не выступили открыто.

Я же вам сказал. Я мог выступить в ЦК (свое выступление я бы должен был подвергнуть тщательной самоцензуре), но я бы не только проиграл сам, но еще поставил бы под удар многих товарищей.

Но их же все равно вышвырнули.

Это уже другая песня. Да и не всех вышвырнули. Много честных людей осталось. А потом все покатилося к черту. Мне в 1968 г. стало ясно, что должен наступить крах. Демонстрации студентов. Правда, там были и другие обстоятельства, но все-таки это было проявлением протеста сотен тысяч. Да и молодежь-то не буржуазия, не фашисты, не контра, и это явление требовало серьезного изучения. Надо было пересмотреть наши ошибки и серьезно все обсудить. Ясно, что дубинками можно разогнать их, но ведь эти несколько десятков тысяч протестующих студентов, из которых большинство на всю жизнь запомнили глубокую обиду, с презрением относятся к тем, кто с ними так расправился. Только деморализованная часть молодежи скатилась в болото. Они, по-видимому, решили, что пора перестать петушиться и надо начинать устраивать собственную карьеру при помощи тех, кто вооружен дубинками, поддерживая развязанную тогда дикую антисемитскую кампанию. Я был решительно против этой скандальной кампании. Я считал, что партия ни в коем случае не должна принимать эту авантюру и тем более ее поддерживать. Иначе это нанесет ей огромный вред, — говорил я. Я считал, что необходимо сразу же пресечь антисемитизм, и написал тогда письмо. Не в ЦК, а в политбюро и в секретариат ЦК. Я заявил, что ухожу со всех занимаемых мною партийных и правительственных постов. Я писал: „Как поляк и коммунист, я с глубочайшим возмущением протестую против антисемитской авантюры, которую организовали тем-

ные силы, вчерашние фашисты и их сегодняшние покровители. В ситуации, которая сложилась сейчас в партии, я вынужден подкрепить свой протест уходом в отставку из Политбюро и из ЦК. Я заявляю также об уходе с поста председателя Государственного Совета и председателя ЦК Фронта единства народа”.

Товарищи советовали мне поговорить с Гомулкой, объясниться с ним. Я понимал, что это бесполезно, но все-таки согласился. Ведь вопросы были слишком серьезными и не могли остаться без ответа. Я поехал в ЦК. Гомулка был исключительно спокоен и сдержан. Он, наверное, стал понимать, что вся эта антисемитская история в какой-то степени направлена и против него. Он сказал, что наша ситуация связана с международным положением в Европе, что чехи готовят контрреволюцию такого же рода как в Венгрии в 1956 г. Я ответил, что ничего об этом не знаю. Тогда он объяснил, что у него материалы, составленные Герекком после разговора с Биляком и Йиндрой. Я выразил готовность ознакомиться с этими материалами, но сказал, что обстановка в стране мне ясна, и я настаиваю на том, что я писал об антисемитской оргии, которая никому не нужна и в которой я ни в коем случае не намерен участвовать. Гомулка попросил меня все-таки не подавать в отставку. Я ответил, что могу подождать еще несколько дней. Так что считайте мое письмо заявлением, от которого я отступать не намерен, — сказал я.

Поэтому в письме, которое было адресовано Сейму, вы написали, что уходите с поста Председателя государственного Совета по состоянию здоровья, которое не позволяет вам работать в полную силу?

Мне пришлось согласиться с такой формулировкой. Не мог же я присоединиться к протесту студентов. Я надеялся тогда, что партийное руководство начнет с ними переговоры. Однако самодуры в политбюро решили, что полиция справится с ними и что достаточно выгнать их из институтов. И все это проходило под позорные призывы прессы „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Эта кампания должна была ободрить Гомулку, а на деле она прокладывала дорогу Мочару.

Мочар хотел стать первым секретарем?

Может быть, и не совсем так, но нет сомнений, что он хотел стать „первым” после „первого”. То есть, чтобы Гомулка был ширмой, а парадом командовал бы Мочар. Эта роль ему нравилась, и поэтому он не только вдохновлял действия полиции, но и руководил ими.

Но ведь не он один.

Страна знала имена этих суперпатриотов: Кенпа, Ольшовский, Герек в Силезии, Кручек в Жешуве и, может, в меньшей мере, Коциолек. Вся эта мафия действует по сей день, может быть, кто-то и ушел, кое-кто изменил взгляды, но в основном, они держатся. В их руках органы госбезопасности. Все это я говорил Гомулке тогда. При этом присутствовали Клишко и Циранкевич. Я сказал, что всем происходящим руководят Мочар и органы госбезопасности, и цель их — подготовить места для своих агентов и своей разведки.

Своей?

Какая разница? Всем известно, что мы подчинены советской разведке. Ее цели бывают то хорошие, то плохие. Мы сталкивались чаще с плохими. авантюристами. Не знаю, зачем мы лезли в это дело. Мочар и органы госбезопасности выступили против „плохо рожденных”, „нечистокровных”, то есть евреев, а было их тогда в Польше 25—30 тысяч. Сейчас их около 5 тысяч. Остальных изгнали. Я им сказал тогда: нашими дубинками вы выгоняете талантливую молодежь. Вы обращаетесь с ними как с людьми неполноценными. Никакая уважающая себя партия этого бы не потерпела. Нельзя говорить о хулиганстве — даже если среди студентов и было несколько хулиганов. Ведь в протестах принимали участие десятки тысяч активных молодых людей. С ними надо вести политический диалог, а не натравливать на них полицию. Но меня никто не послушал. Оплевывали представителей группы „Знак” (группа независимых католических депутатов в Сейме. — Прим.пер.), которые пусть и преследуя свои

цели, выступили в защиту молодежи. Грустно было смотреть, как травили в Сейме Мазовецкого, Стомму, Завейского. Вот и парадокс — коммунисты оказались в одном ряду с реакцией.

Я помню доклад Гомулки от марта 1968 г.

Да, Гомулка. За час-полтора до встречи с варшавским партактивом собралось политбюро. Его члены хотели прочитать доклад, но он вроде не был еще готов. Нам давали просматривать по отдельным листкам, но последних страниц мы вообще не видали. Атмосферу в Зале съездов можно сравнить с собранием нацистов. Мочар и Герек кричали, а наша уважаемая интеллигенция молчала. Церковь тоже. То, что разговоры бессмысленны, не вызывало сомнения. Еще Рапацкий пытался писать какие-то резолюции по адресу руководства. Это было после вторжения в Чехословакию. Я же считал, что нет смысла.

Зачем Гомулке нужен был сионизм? Для политической игры?

Националистический уклон. Правда, я не подозревал, что он осмелится разжечь антисемитский пожар. Гомулку, правда, следует осуждать не только за его националистический уклон. Он стремился к единовластию, страдал манией величия и одновременно манией преследования. Эти комплексы развиваются в тех условиях, в которых работают правительства наших стран. В то же время Гомулка сделал много положительного, и история отдаст ему за это должное. Гомулку из истории не вычеркнешь.

Вас тоже. Скажите, есть у вас на совести грех?

В своей политической деятельности я всегда руководствовался основами марксизма и не забывал о положительном и отрицательном опыте польского рабочего движения. Я старался идти вперед, избегать серьезных ошибок. За 50 лет работы в коммунистическом движении я, безусловно, совершил ряд ошибок, да и грехов было не мало. Но умирать я буду спокой-

но. Я не верю в загробную жизнь, но я мог бы спокойно посмотреть в глаза павшим товарищам, коммунистам и солдатам, с которыми мы вместе проливали кровь за свободную, народную Польшу, за социализм в Польше и во всем мире.

Июнь—ноябрь 1981 г.

Перевод Ежи Беккера